

---

---

# ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

---

---

А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

## ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

Жанр статьи не дает возможности для сколько-нибудь полного изложения событийной стороны дела, связанной с формированием японского тоталитаризма. Поэтому в данной статье мне придется только наметить основные пункты, в которых японский тоталитаризм отличался от европейского. Тех, кому захочется более полно ознакомиться с историческими реалиями, отсылаю к моей недавней монографии (Мещеряков 2009).

Как и всякий другой, XX в. был веком утопий. Другое дело, что утопии XX в. отличались от прежних. И не столько по масштабности мечтаний, сколько по масштабности попыток их осуществления. Развитие науки, техники и коммуникаций привело к модернизации технологий управления, которые позволили вовлечь в строительство «светлого будущего» невиданное количество людей, к проникновению государства во все поры жизни, что, в свою очередь, привело к невиданным жертвам. Урбанизация вызывала распад прежних социальных ограничителей и морали, приводила к утрате прежних ценностей и ориентиров. Степень внушаемости населения катастрофически росла, на глазах оно превращалось в массу.

Попытка построения утопий наблюдалась и в СССР, и в нацистской Германии, и в Японии. Социалистический Советский Союз строил мировой коммунизм, нацистская Германия – «новый порядок» в Европе, императорская Япония – «сферу сопроцветания на-

родов в Великой Восточной Азии». «Светлое будущее», «великая миссия», «вечный мир», «всеобщее счастье» прочно входят в словарь этих утопий. Основным средством для достижения этих целей выступает насилие. Насилие как над собственным населением, так и над другими народами. Насилие информационное, культурное, физическое, военное. Поэтому для осуществления утопических идей во всех трех странах была выстроена система, которую следует охарактеризовать как «тоталитаризм».

Этот термин шире понятий «социализм», «национал-социализм» или «монархия». Он объединяет в одну группу те режимы и государственные устройства, для которых отдельная человеческая жизнь не представляет никакой ценности, а потому государство присваивает себе моральное и законное право заполнять все мыслимые объемы, лишая человека права на самостоятельное дыхание. Оно формирует тип личности, неспособный к самостоятельному осмыслению своих индивидуальных и «эгоистичных» интересов.

Мобилизация, план, коллективизм, единение, борьба являются неотъемлемыми чертами жизни и идеологии таких государств. При этом интересы каждого конкретного человека подлежат игнорированию и почитаются за «тлетворный индивидуализм». Единицами социального измерения выступают классы, страны, народы. «Полноценным» может называться только такой человек, который сливается с массой. Эти массы имели свою собственную гордость, они осознавали себя творцами истории, с легкостью и удовольствием впадали в экзальтацию.

Привычная точка зрения состоит в том, что эти люди являлись обманутыми жертвами изобретательных и бесчестных политиков, которые всегда преследовали свои корыстные интересы. Такое понимание представляется мне весьма далеким от истины. Большинство политиков и историков по-прежнему находятся в плену «народнических» иллюзий: народ всегда прав. А если он замечен в чем-то отвратительном, значит, его обманули. Таким образом, с «простых людей» снимается всякая моральная ответственность за происходящее, а сами они считаются за малолетних детей, которых невозможно привлечь к суду. Хотя бы к суду истории. Такое понимание кажется мне безответственным и морально ущербным. Тоталитарное государство есть плод деятельности огромного количест-

ва людей, каждый из которых несет свою долю ответственности. Индивидуальная мера этой ответственности, безусловно, различна, но попытки оправдания «народа» неизбежно ведут к его моральной и физической деградации.

И Япония, и Германия, и СССР приобщились к индустриализации сравнительно поздно. При этом индустриализация там осуществлялась невероятно быстрыми темпами, руки работали быстрее, чем голова, чувства не поспевали за моторами. Гордясь промышленной и военной мощью своей страны, люди одновременно тосковали по патриархальности прежних времен. Развитие городской цивилизации приносило разнообразие, которое зачастую воспринималось как хаос. Деревенское деление на «своих» и «чужих» распространялось на классы и нации, достигало государственных границ. Люди, выброшенные из деревни в город, лишались корней и сдерживающих механизмов традиционного общества. Они представляли собой самостоятельный субъект исторического творчества. И в то же самое время они были податливы и представляли собой прекрасный объект для внушения и манипулирования, они сами хотели «централизации» своих чувств и эмоций, ибо не могли выдержать испытания одиночеством и индивидуализмом. Эти люди страдали от стрессов, неврозов и комплекса агрессивности, они искали и с легкостью находили врагов как внутри страны, так и за ее пределами.

Общество представлялось огромной армией, воины которой по первому приказу прикладывают руку к козырьку. Идеалом мужчины представлялся не человек, который самостоятельно принимает решения, а солдат, который беспрекословно выполняет любой приказ. Исключений при этом практически не было, каждый был вписан в иерархию и лишен права действовать самостоятельно. Женщинам и детям также предлагалось стать похожими на мужчин такого типа. И они с удовольствием шли на это. Все они желали быть вместе со всеми. Все они боялись одиночества.

И Япония, и Германия, и СССР заявляли о том, что их конечной целью является мир. При этом ни одно из этих государств не могло и не желало существовать в мирных условиях. Война – между государствами, этносами, расами и классами – была главным условием их существования. Тоталитарные государства могли су-

ществовать только в расширяющемся пространстве, силовые структуры имели больший вес, чем министерства гражданские, внутренние дела подчинялись внешним целям. Утопичность поставленных ориентиров с неизбежностью приходила в противоречие с биологией, насилие над человеческой природой приводило к эскалации насилия и сопротивления. Именно поэтому век тоталитаризма оказался для каждой из стран по историческим меркам столь краток – в него вмонтирован механизм самоуничтожения.

Во многих «передовых» странах XX в. новые технологии управления людьми (обязательное и единообразное обучение, всеобщая воинская повинность, развитие средств массовой информации), а также невиданное доселе развитие науки и техники привели к наивной и опасной вере в безграничные возможности государства, в том числе и мобилизационные. Государства прошлого XIX в. не могли поставить под ружье миллионы подданных и граждан. Эти государства не могли вывести на улицы несколько сот тысяч демонстрантов в свою поддержку. Они не могли заставить свое население мечтать о том, что через двадцать лет жизнь станет лучше и что ради этого следует потерпеть. В XX в. подобная вера стала общим местом, иллюзионисты правили бал. Маловеров оказалось исключительно мало, перекричать толпу они были не в силах, что привело к поистине трагическим последствиям для сотен миллионов людей. Причем для всех: маловеров, самих иллюзионистов и тех, кто пожелал попасться на их трюки.

Нацисты, японские почвенники-националисты и советские коммунисты видели земной рай по-разному. В нацистском раю не было евреев и цыган, зато были другие этносы, которые трудились на благо арийцев. В японском раю под названием «сфера сопроцветания в Великой Восточной Азии» великая Япония была носительницей света и морали, она вела за собой другие народы, угнетенные «белыми» империалистами, вела в счастливое будущее. Там господствовала «гармония», которая понималась как строгая иерархия, где каждый народ занимает положенное ему место. Коммунистический рай рисовался как социальная гомогенность, никаких национальностей там вообще не было, не было и классов – там все были равны.

Несмотря на все различия чаемого будущего, методы построения рая бывали до боли похожими. Проектировщики утопий с вниманием и подозрением следили друг за другом и с готовностью перенимали чужой опыт, выдавая его за свои собственные наработки. Тоталитаризм имел международный характер, одна тоталитарная страна не могла существовать без другой. За крахом нацистов последовал немедленный крах тоталитарной Японии. После этого тоталитаризм советский вступил в фазу самодемонтажа и агонии – без энергетической подпитки со стороны его творческий потенциал оказался исчерпанным на удивление быстро.

Японские, нацистские и советские руководители были людьми экзальтированными и малообразованными. Японские правители по своим человеческим качествам превосходили верхушку нацистской партии и советское партийное руководство. Они не призывали к истреблению, однако их утопический дискурс все равно с неизбежностью приводил к убийству. Руководство Японии, Германии и СССР верило в свою священную миссию и твердило об уникальности своих стран. Эти люди верили в то, что обладают истиной и священными чертежами, в соответствии с которыми они сумеют выстроить будущее. Мысль об этом прекрасном будущем пьянила их. Им не приходило в голову, что управление страной в нетрезвом виде намного опаснее для себя и окружающих, чем управление автомобилем.

Однако общий термин «тоталитаризм» отнюдь не отменяет того факта, что способы его построения обладали в каждой стране глубоким своеобразием. В тоталитаризме каждой из этих стран были задействованы национально окрашенные и культурно обусловленные механизмы. То, что из космоса кажется одинаковым, на Земле оказывалось разным.

После кончины императора Мэйдзи (1912 г.) Япония все больше вовлекалась в международные проекты, в которых участвовали «передовые» и «цивилизованные» страны. Япония участвовала в международных выставках, Первой мировой войне, проводила индустриализацию. Ее поражали те же недуги, что и другие страны, вступившие на этот путь. Урбанизация и модернизация вели к разрушению прежней среды социального обитания, которая имела своим истоком стратификацию, основанную на происхождении,

местожительстве, роде занятий, половой и возрастной принадлежности. Все это приводило к усилению многообразия, воспринимавшегося как нарастание аморфности и хаоса, утеря идентичности и предсказуемости жизни. Разрастающийся индивидуализм поражал молодежь прямо в сердце, долг уступал место правам и желаниям, патриархальная семья разваливалась на нуклеарные. На смену прежним притершимся друг к другу субкультурам приходили новые. Их носители обладали другими обычкновениями, «питались» другими книгами, носили другую одежду. Японец страшился потеряться в этом многообразии, он боялся остаться наедине с хаосом и с самим собой. Источником нарастающего хаоса считался Запад, откуда исходили заразные флюиды: либерализм, эгоизм, анархизм, социализм. Япония была в достаточной степени вовлечена в международное разделение труда, мировой экономической кризис не обошел ее стороной и подталкивал к радикализации эмоций и поступков.

Формирующиеся политические партии, создаваемые ими в 20-х гг. XX в. кабинеты отличались недолговечностью, они тоже воспринимались как проявление хаоса и были лишены должной степени легитимности. Имущественное расслоение и коррупция усугубляли это ощущение. Японцы проявляли нетерпение, не желали дожидаться медленных системных улучшений и проявляли склонность к политическому террору, объектом которого становились государственные деятели и нувориши-капиталисты. Само слово «капитализм» воспринималось как бранное. Участившиеся самоубийства тоже свидетельствовали о нарастании растерянности и отчаяния. Нервы японцев были напряжены до предела. От нетерпения до нетерпимости оставался один шаг.

В противостоянии с нараставшим многообразием жизни родилось ощущение, что его можно преодолеть за счет осуществления общенационального проекта, в котором ведущую роль суждено сыграть человеку в форме. Этот проект предусматривал решительное расширение пространства, подконтрольного Империи. Именно вокруг такого проекта и объединились японцы. Им казалось, что организация страны по армейскому образцу способна структурировать хаос. Агрессия в Северном Китае и создание марионеточной

«империи» Маньчжоуго (1932 г.) вызвали восторг и подняли авторитет армии.

В отличие от СССР и Германии, где формирование тоталитаризма в значительной степени являлось следствием экстремальных обстоятельств – реакцией на бедствия Первой мировой войны, Япония в этой войне принимала минимальное участие (ограниченные операции по захвату немецких владений – Циндао, Каролинских, Маршалловых и Марианских островов, временная оккупация советского Дальнего Востока и Северного Сахалина), жертв было мало (около пяти тысяч человек), а потому японский вариант тоталитаризма следует считать наиболее «чистым» и «беспримесным» случаем тоталитаризма мирового, тоталитаризма, который одушевлялся абстрактными соображениями и поэтическими эмоциями. Главной из них было желание того, чтобы Японию стали по-настоящему «уважать» в мире. Несмотря на сверхусилия, предпринятые страной в этом направлении, положение не изменилось радикально. Значительных успехов в индустриализации и создания колониальной империи (Тайвань, Корея, Южный Сахалин, острова в Тихом океане) оказалось недостаточно: Запад продолжал воспринимать японцев как «желторотого подростка», который необоснованно стремится войти в компанию взрослых «белых людей».

В отличие от Германии и СССР японской государственной конструкции, в центре которой находилась фигура священного императора (Хирохито, посмертное имя – Сёва, на троне с 1926 по 1989 г.), не требовалось лишней раз доказывать свою легитимность. В связи с этим риторика и используемые ею метафоры имели освященную веками ауру. Образцовым культурно-военным героем объявлялся мифический первоимператор Дзимму. В пантеон героев входили по преимуществу те люди времен древности и Средневековья, которые признавались образцом верноподданничества. Обращение к традиции было в Японии намного более распространенным приемом, чем на Западе. Ни один японский идеолог не мог рассчитывать на успех, апеллируя к открытому разрыву с историей, которая представлялась как последовательность правлений императоров, династическая линия которых не знает перерыва. В этой непрерывности виделась одна из основных особенностей уникального государственного устройства страны.

«Несущей» метафорой японского тоталитаризма являлась также семья. Патриархальные семьи на нижнем уровне сливались в государство-семью во главе с императором, который именовался «отцом и матерью» нации. В его указах подданные именовались «младенцами». Открыто объявлялось, что без императора не существует японского народа. Беспрекословное уважение к старшим по возрасту, заимствованное из конфуцианской идеологии, обеспечивало устойчивость всей конструкции. В связи с этим апелляции к молодому поколению, которому «принадлежит будущее», в Японии не имели места. Поколение воспринималось как понятие «склеивающее», а не разъединяющее. Понятием «новый человек» пользовались только немногочисленные приверженцы «левых» движений, которые не имели ни малейших надежд на успех. Японское государство было образованием геронтократическим.

В связи с этим у архитекторов японского тоталитаризма отсутствовали смелость и дерзость, которые обнаруживались у их западных «коллег». И потому японский тоталитаризм не сумел (не захотел) создать грандиозного «стиля» (в искусстве, живописи, архитектуре, литературе), хотя бы отдаленно напоминающего творения, вдохновленные нацизмом и коммунизмом. В японском тоталитаризме отсутствовал культ молодого обнаженного (полуобнаженного) тела, столь свойственный для Германии и СССР. Дополнительным основанием, предотвращавшим возможность развития такого культа, был комплекс телесной неполноценности, испытываемой японцем по отношению к телу европейца (рост, вес, кривизна ног, цвет кожи). Несмотря на усиленные занятия физкультурой, японцы безнадежно отставали в росте и мускульной массе. Цвет кожи также не подлежал «реформированию».

Японцам предлагалось провести операцию самоотождествления прежде всего через переживание слиянности со своим императором. В то же самое время была задействована и другая составляющая – природа и земля Японии. Ход рассуждений был таков: поскольку земля Японии создана синтоистскими богами, сама она, ее природа и климат не могут быть не прекрасны. Точно так же прекрасны и обычаи японцев, те обыкновения, церемонии и ритуалы, сутью которых является почитание императора как «отца

нации». Поэтому любое проявление духа японского народа – лучше, чем на Западе. Вот, например, на Западе танцуют парами, что является демонстрацией индивидуализма, а японские танцы всегда имеют коллективный характер: в соответствующий момент хоровод устремляется в центр. Выискивание метафор единения носило маниакальный характер. «Единая семья, единая деревня, единое государство» – так была устроена «вертикаль власти» в ее японской интерпретации. И, разумеется, прекрасные японские обыкновения находят свое выражение в родном языке, которому тоже нет равных.

Японский тоталитаризм отвергал способы общественного разделения, свойственные для европейского тоталитаризма. Этим объясняется тот факт, что в Японии не было создано политической партии, которая провозглашалась бы ведущей общественно-политической силой. Японский император возглавлял не партию (часть народа), а весь народ (во время войны все японские семьи были объединены в пятидворки, которые служили первичной ячейкой тоталитарного общества). Японцы представляли себя гомогенной и уникальной нацией. В связи с этим все политические разногласия провозглашались вторичными. За все время существования японского тоталитаризма он подверг репрессиям крайне незначительное число японцев (несколько тысяч – в основном людей коммунистических убеждений). После 1937 г., то есть после начала «большой войны» в Китае, когда система приобрела окончательную жесткость, в стране был казнен по политическим мотивам всего один японец (Одзаки Хоцуми, информатор Рихарда Зорге). Считалось, что японец не может быть врагом японцу, со временем он обязательно осознает свою национальную принадлежность и «исправится». Агрессивность канализировалась почти исключительно в сторону иностранцев.

Единство «японского народа» обеспечивалось с помощью последовательного применения мифов-метафор, превращавших японцев в «уникальный» народ.

Япония имеет уникальное общественное устройство, в основе которого лежит непрерывная императорская династия; японцы обладают уникальным чувством верноподданничества; уникальным

чувством долга по отношению к семье; для японца коллективные ценности преваляют над индивидуальными, а «духовное» много важнее «материального»; государство как таковое имеет статус сверхценности; целью жизни является смерть во имя родины и императора; японец не боится смерти; японцем следует родиться, им невозможно стать; японца может понять только японец.

Все эти «сверхценности» были изобретением новейшего времени, но позиционировались как древние и исконные. Каждое действие подкреплялось цитатой из прошлого, каждый лозунг находил соответствие в древних и средневековых источниках. Воспитывая, по существу, новый тип личности, японский тоталитаризм не провозглашал задач по воспитанию «нового человека», открыто не порывал с прежней моралью, не рвал время на части – он был уверен в том, что склеивает времена.

Принимая новое за воспоминания о славном прошлом, японцы демонстрировали уникальное легковерие, а это означает, что они испытывали потребность в такой вере. Она основывалась на крестьянском делении мира на «своих» и «чужих». Сейчас это деление было проведено по государственной границе, которая одновременно являлась границей этнической. В отличие от Германии и СССР, где главная поддержка режима обеспечивалась горожанами (городские низы, рабочие, значительная часть интеллигенции), в Японии именно крестьянство с наибольшим энтузиазмом восприняло тоталитарную идеологию.

Демонстрируя уникальное желание повиноваться, японцы одновременно лишались всяких механизмов защиты против идей своих лидеров, которые убедили себя и других японцев в том, что крепость «японского духа» способна компенсировать недостаток ресурсов, экономическую, научно-техническую и военную отсталость.

Ксенофобский потенциал японского общества был крайне велик. После катастрофического землетрясения 1923 г. по Токио распространились слухи, что корейские и китайские рабочие планируют свержение императора, отравляют воду в колодцах, и тогда по городу прокатились погромы, в результате которых было убито несколько тысяч корейцев и китайцев. Поскольку погромы были стихийными, непосредственно не направляемыми государством,

это свидетельствует о высочайшем уровне ксенофобии в тогдашнем японском обществе.

Японцы осознавали себя как «уникальную» нацию, предназначением которой является избавление Азии от колониального господства «белого человека». В Азии, где процветает «гармония», понимаемая как иерархия наций и стран, в которой Японии принадлежит ведущая роль, Япония не планировала ни уничтожения азиатских наций, ни создания концентрационных лагерей. Тем не менее, расчет на азиатскую «гармонию» оказался неверным: у «азиатов» отсутствовала «азиатская» идентичность, лидеры национально-освободительных движений воспринимали с подозрением идею иерархии, столь понятную самим японцам, местные крестьяне не желали добровольно делиться с японской армией своим добром и считали японцев оккупантами. Попытки японцев ввести свои «цивилизованные» порядки воспринимались как разрушение традиционных устоев жизни, не скрываемое ими чувство собственного превосходства вело к росту озлобления. Отношение к не-японцам как к неодушевленным предметам приводило к эскалации насилия и повсеместному возникновению движений сопротивления. Выражение «неодушевленный предмет» не является авторской метафорой. В текстах того времени содержатся буквальные утверждения, что враг является «предметом» (буттай). Такой способ дегуманизации противника объясняет многие из тех зверств, которые были совершены японцами по отношению к иностранцам.

В заметках с фронта журналистка говорила о том, что вид мертвых японцев вызывал у нее горячее сочувствие. Увидев же труп китайского солдата, «я почувствовала лишь холодное безучастие. Мое отношение к трупу китайского солдата было полностью отстраненным. Я подумала о том, что моя холодность вызвана незнанием китайцев, а потому и человеческий труп казался мне просто предметом» (цит. по: Канаи Кэко 2006, т. 3: 113–114).

Только при таком отношении к врагу как к неодушевленному предмету японская газета «Токё нитинити симбун» (13 декабря 1937 г.) могла поместить сообщение, согласно которому два младших лейтенанта поспорили о том, кто из них сумеет с помощью японского меча отрубить большее количество китайских голов. Лейтенанты сумели установить «сверхрекорд» – один из них отру-

бил 105 голов, а другой – 106. Участники состязания не сумели установить, кто из них первым перешел рубеж в сто голов, а потому поставили себе следующую цель – 150 голов. Газета поместила и фотографию лейтенантов, которые опираются на свои мечи. Техническая возможность установления такого «рекорда» сомнительна, однако не подлежит сомнению, что только в атмосфере полной дегуманизации китайских мужчин призывного возраста журналисты могли генерировать подобную информацию. Суть сообщения состояла не в возбуждении ненависти, а в воспевании непревзойденных достоинств японского меча в качестве высшего проявления самурайского духа (в европейских армиях того времени культурная значимость холодного оружия была уже почти утрачена). Что до китайцев, то они позиционировались в качестве пассивного (неодушевленного) объекта воздействия чудо-меча. Следует при этом заметить, что случаи реальных преступлений японской армии в Китае тщательно цензурируемой прессой единодушно замалчивались.

Для японца того времени концепт равенства был по определению абсурден. Это касается жизни как в самой Японии, так и вне ее. Однако если воплощение принципа иерархии внутри Японии приводило к стабилизации, то за ее пределами – к новым и новым конфликтам. В отличие от СССР и Германии японский тоталитаризм был в гораздо меньшей степени озабочен поисками врагов внутри страны, его агрессивная составляющая реализовывалась по преимуществу в отношении к неяпонцам.

Пафос расширяющегося пространства империи разделялся японцами на словах, но это не могло превратить их из интровертов в экстравертов. В связи с этим планы по освоению чужих просторов могли иметь лишь ограниченный эффект, переселенческие проекты (главным из них была миграция в Маньчжурию) потерпели крах. Планы по превращению японцев в «казаков» были утопичны. Государственный курс на экспансию и модель расширяющегося пространства противоречил «национальному характеру» – личному и историческому опыту, направленному прежде всего на освоение пространства ближнего, а не дальнего. В тогдашней Японии наибольшее количество памятников было поставлено мальчику Киндзиро (взрослое имя – Ниномия Сонтаку, 1787–1856 гг.). Эти

небольшие статуи обладали типовой иконографией: за спиной мальчика – вязанка хвороста, в руках – открытая книжка. Любящий учение мальчик возвращается с гор, чтобы дать семье тепло... Здесь важно направление движения – не преодолевать пространство, не проповедовать, не покорять неверных, не уходить, а возвращаться домой. Находиться дома и обладать империей. При такой поведенческой модели расчет на экспансию был обречен на провал. Имперское сознание должно обладать совсем другими характеристиками. Тип японца, который создавался тысячелетиями, был хорош для организации свехупорядоченной жизни внутри страны, но для империалистических целей он подходил мало.

Территориальная экспансия не вызывала сколько-нибудь серьезных возражений – точно так же, как и сопутствующие ей ограничения во внутренней жизни. Общество представляло (желало представлять) себя единой семьей во главе с отцом-императором, который одновременно являлся и главнокомандующим. Находясь в рамках такой семьи-государства, японцы демонстрировали такую степень послушания, которой не смогли достичь ни нацистская Германия, ни коммунистический Советский Союз. Японцы с энтузиазмом втоптали ростки разномыслия в землю, приняли тоталитаризм и империализм с чувством облегчения. Лозунг эпохи «Сто миллионов сердец бьются, как одно» был воспринят с пугающей буквальностью. В результате эти сердца вошли в резонанс и привели к саморазрушению государственного организма.

В течение многих веков японцы вели свехоседлый образ жизни и имели крайне ограниченный исторический опыт освоения дальнего пространства и непосредственных контактов с не-японцами. Это привело к развитию «близорокуости» – невозможности адекватно оценивать свои возможности в другом пространстве. Только при таком оптическом изъяне могло случиться так, что страна ввергла себя в войну на огромных просторах против сил коалиции, которые многократно превосходили мощь Японии. И это притом что война в Китае находилась в самом разгаре. Но первые быстрые победы вскружили голову Японии, тяготы военного времени переживались легко, людские жертвы казались оправданными. Однако довольно скоро война против Америки, Англии и их союзников приняла совсем другой оборот: число жертв росло,

кольцо «стратегической обороны» превращалось в удавку. Не в силах одержать победу над врагом, японец превращал войну в борьбу с самим собой и все больше задумывался о достойной смерти. Культ героя все больше отдавал некрофильством. Крайним случаем такого отношения к жизни и смерти являются камикадзе. Японский тоталитаризм редко казнил своих политических оппонентов дома, его дискурс предполагал смерть своих сторонников на фронте.

От японца требовались повинование, способность преодолевать тяготы. От него требовалось сделать «все возможное». При этом эффективность действий стояла на втором месте. Социализация японца проводилась с таким расчетом, чтобы он «правильно» вел себя. Для этого он должен был зазубрить бесконечное количество инструкций, его телесное поведение представляло собой набор фиксированных поз и действий, что находило свое соответствие в традиционной концепции «церемониальности» поведения. Церемониальность – это прежде всего фиксированность одежды, речевого поведения и жестов, на что указывало множество книг (как средневековых, так и современных), посвященных правилам хорошего тона. Церемониальность – это то, что отделяет культуру от варварства. Поэтому-то и вся армейская жизнь воспринималась обществом не столько как ограничитель индивидуальности и свободы, сколько как приближение к культурности. Чем больше правил поведения, тем больше и запас культурности. Церемониал – это ограничения, налагаемые на поведение человека некоей высшей внешней силой. В жизни воина она реализуется с помощью бесконечных инструкций, какими японская армия была особенно богата даже по сравнению с другими армиями мира. В самом начале руководства для солдата фиксируются ситуации, когда он должен был отвешивать самые разные виды поклонов. Таких ситуаций составитель руководства насчитывает 49 (Хэйэй кара 1926: 9–34)!

Однако то, что подходило для мирной предсказуемой жизни, в боевых условиях, когда каждую минуту приходится принимать самостоятельные решения, не выдерживало испытания. Однако это не смущало японцев. Главными военными героями объявлялись вовсе не те, кто продемонстрировал свои военные умения, а те, кто погиб с достоинством. Не одержать победу, а принять достойную смерть и покрыть себя славой. В 1943 г. Япония потеряла два ост-

рова в Алеутском архипелаге. Гарнизон Кыски успешно эвакуировался, гарнизон Атту был полностью истреблен. После убийственных бомбардировок японские солдаты (обессилевшие от голода, лишенные боезапаса, раненые, контуженые) не сдались, а поднялись в полный рост и пошли в последнюю смертельную атаку, не имея никаких шансов ни на спасение, ни на победу. О воинах с Кыски японская пресса почти не писала, хотя по всем меркам военного искусства это была успешно проведенная операция, спасшая гарнизон от неминуемой смерти. Именно солдаты с Атту превратились в метафору доблестного служения родине и императору. Специально подчеркивалось, что командующий гарнизоном полковник Ямадзаки не просил о подкреплении, боеприпасах, провианте – не задумываясь о таких «мелочах», он принял решение погибнуть. Главными героями Пирл-Харбора были признаны вовсе не летчики, которые провели блестящую военную операцию и вывели из строя несколько американских кораблей, а пилоты крошечных подводных лодок, которые погибли, не выполнив боевого задания.

Считалось, что поступая на военную службу, солдат избавляется от своего тела – в том смысле, что оно теперь не управляется самим солдатом, а выполняет указания командиров, которые воспринимаются как прямые указания императора. Тело отчуждалось в пользу родины и императора. Плохое выполнение своих обязанностей означает отсутствие верноподданнического духа. То, что принадлежит родине и императору, следует содержать в полном порядке. Поэтому тело солдата должно быть сильным и здоровым. Такой подход был вполне традиционным. Еще Кайбара Экикэн (1630–1714), известнейший популяризатор конфуцианского учения, так поучал молодое поколение: «Тело человека происходит от отца и матери, оно имеет своим истоком Небо и Землю. Человек рождается благодаря Небу, Земле, отцу и матери, а потому и возвращаемое тело не является его собственностью. Тело, дарованное Небом и Землей, тело, полученное от отца с матерью, следует возвращать с почтением и тщанием, не принося ему вреда. Жизнь должна быть долгой. В этом и заключен сыновний долг перед Небом с Землей, перед отцом с матерью» (цит. по: Сирахата Ёдзабуро 1989: 181). Таким образом, и в прежней Японии учили тому, что твое тело не принадлежит тебе. Поскольку император официально

именовался «отцом и матерью» народа, то он и являлся тем божественным лицом, в пользу которого отчуждалось солдатское тело.

Погибая на поле боя, японец становился «ратным богом», который защищает Японию. И чем больше таких смертей, тем сильнее Япония. «Правильная» смерть служила мерилom жизни, такая смерть смывала грехи и открывала путь к миру. Считалось, что с окончанием войны настанет вечный мир и «ратные боги» превратятся в «богов мира» (Ямамура Кэнтoku 2007: 277). Смерть на поле боя служила эквивалентом персонального очистительного ритуала, предвестником общей победы и вечного мира. «Смерть красит человека», – таково было убеждение японцев того некрофильского времени. Культ героической смерти является неотъемлемой частью войны. Тоталитарные страны особенно падки на него. Однако ни в нацистской Германии, ни в Советском Союзе он не достигал той степени интенсивности, которая была присуща Японии.

Япония потерпела жестокое поражение. Не только военное, но и идейное. Впервые в своей истории она подверглась оккупации. Нужно отдать японцам должное: они извлекли из своего поражения немало уроков и приступили к строительству другой Японии, где главной ценностью является мирное созидание.

После войны все силы Японии были отданы экономическому строительству. Поскольку состав элиты не претерпел решительных изменений, это строительство осуществлялось преимущественно под руководством тех же самых людей, которые ввергли страну в пучину тоталитаризма и войны. Однако теперь они работали не на разрушение, а на созидание. Следует признать, что с этой задачей они справились успешно. Они руководили народом, который по-прежнему назывался японским. Этот народ осуществлял строительство с такой же энергией, с которой он раньше создал тоталитарное государство. Японское государство и общество не потеряли управляемости. Японцы не потеряли трудовых навыков, трудолюбия и тяги к знаниям. Война принесла им множество страданий, но они не потеряли желания гордиться своей страной. Перенаправив свои знания и энергию с производства военной продукции на производство продукции мирной, Япония сумела осуществить то, что часто называют «второй индустриализацией». Испытывая преж-

ною гипертрофированную потребность в самоидентификации, японцы сконцентрировались на переживании уникальности своей культуры и обычаев. У внимательного наблюдателя эта «уникальность» весьма часто вызывает сомнения, однако отсутствие агрессивной составляющей послевоенного японского культурного национализма вызывает уважение. Как известно, в послевоенное время наибольшая угроза миру исходила не от Японии, а от стран, которые одолели ее.

### *Литература*

**Канаи Кэко.** 2006. Сэнсэн то дзюго-но дзэнда – хэнсэй-о мэгуттэ. – *Доин, тэйко, ёкусан*. Т. 3. Серия «Иванами кодза адзиа, тайхэйё сэнсо». Токио: Иванами.

**Мещеряков, А. Н.** 2009. *Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма*. М.: Наталис.

**Сирахата Ёдзабуро.** 1989. Асоби-о сэн то я умарэкэму. Киндай-но супоцу то нихондзин-но синтайкан, дзёрон. *Нихон кэнкю*.

**Хэйэй** кара. Сукэтти цусин. *Гундзи кёикуся*. Токио, 1926.

**Ямамура Кэнтоку.** 2007. Гунсин. Киндай нихон-га унда эйютаги-но кисэки. *Тюокоронся*. Токио.